

© 2014 г. В.Б. ИВАНОВ

К КЛАССИФИКАЦИИ ИМЕННЫХ ФОРМ В ЮГО-ЗАПАДНЫХ ИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ

С целью коррекции имеющихся систем описания именного словоизменения в близкородственных югозападных иранских языках (персидском, таджикском и дари) пересматриваются статусы изафетного показателя и артикля. Первый является специализированным аффиксом вершинного маркирования слова в изафетной конструкции в пределах словесных границ и образует синтетическую форму слова. Второй не только маркирует выделенность, но и может одновременно выступать в связочной функции, то есть также может быть маркером вершинного положения имени в словосочетании. Однако в отличие от изафетного показателя он размещается за пределами словесных границ и образует именную словоформу аналитического типа. Кроме того, в систему именного словоизменения вводятся звательные формы (вокативы), которые образуются от исходной формы имен аффиксацией и/или интонационно-просодически.

Ключевые слова: иранский, персидский, таджикский, дари, изафет, артикль, звательный, вокатив, словосочетание, вершинный, маркер, аффиксация, интонация, просодия

In order to correct existing systems of description of word inflection in closely related southwestern Iranian languages (Persian, Tajik and Dari), status of the izafat and the article is revised. The first one is a specialized affix of the vertex marking of the word in the izafat construction within the word boundaries. The second one not only marks the determination, but at the same time can serve as a link, i.e. as a marker of the vertex position of a noun in a word-combination. But as opposed to the izafat, it is localized outside the word boundaries and forms an analytic word form. Besides that, vocative forms are brought into the paradigm of the noun inflection that are formed from the initial form with the help of affixes and/or intonation and prosody.

Keywords: Iranian, Persian, Tajik, Dari, izafat, article, vocative, word combination, vertex, marker, affixation, intonation, prosody

ВВЕДЕНИЕ

У общего далекого предка персидского, таджикского и дари – древнеперсидского языка – именные части речи обладали развитой системой флексий: существительные склонялись, прилагательные согласовывались с ними в роде, числе и падеже и т.п. После относительно небольшого по времени непрестижного периода при Александре Македонском и Селевкидах (около века), когда древнеперсидский язык с позиции государственного был вынужден уйти в бытовую сферу, была полностью элиминирована категория рода, распалась система склонения. Когда этот язык вновь приобрел достаточно высокий социальный статус (в III в. до н.э. уже в виде среднеперсидского языка), несмотря на сохранение высокой флективности глагола, он стал языком в основном аналитического типа. Связь слов в словосочетании и предложении стала выражаться с помощью предлогов и послелога, появилась изафетная связь и неопределенный артикль (как незнаменательная часть речи). Остались агглютинативные показатели множественного числа. Весь этот инвентарь в VIII–IX вв. сначала перешел в новоперсидский (классический персидский) язык, а затем в середине прошлого тысячелетия достался по наследству ответившимся от него персидскому, таджикскому и дари.

Напомним, что грамматическую категорию можно выделить в языке лишь тогда, когда в ней существуют минимум две маркируемые формы (см. Табл. 1).

Таблица 1

Совокупность форм слова внутри грамматической категории

Часть речи
P1 (исходная форма)
P2
...
Pn

Исходная (словарная) форма (P_1) часто имеет нулевой показатель (маркер). Общее число различаемых форм, включая исходную, обозначено через n . Иными словами, для выделения грамматической категории необходимо, чтобы $n > 1$.

Таблица 2

Общая классификация изменения форм имени в зависимости от синтаксической позиции

Зависимое имя	Изолированное имя	Вершинное имя
C_1 (исходная форма)	V_1 (исходная форма)	I_1 (исходная форма)
C_2	V_2	I_2
...	...	...
C_n	V_n	I_n

Рис. 1. Векторы изменения форм существительного в персидском, таджикском, дари

Из всех теоретически возможных в языках мира векторах изменения имени в данной работе остановимся на трех (см. Табл. 2): зависимого имени (падеж, склонение), вершинного (изафетная форма, статус) и синтаксически изолированного (вокатив, апеллятив, звательная форма).

В русском языке, например, где вершинное имя никак не маркируется, в последней колонке $n = 1$. Зависимое имя имеет шесть маркированных форм (падежей; в первой колонке $n = 6$). В русском языке отмечено две маркированные формы вокатива (см. [Даниэль 2008; 2009]); т.е. во второй колонке $n = 3$.

В персидском языке, взятом в качестве представителя юго-западной группы иранских языков, вершинное и изолированное имя имеют по три формы ($n = 3$). Зависимое имя, если считать аналитическую форму с послелогом ٭-gā , имеет две формы ($n = 2$). Кроме того, существуют еще не указанные в Табл. 2 векторы изменения по числу и по выделенности (детерминированности). Последние два вектора должны рассматриваться отдельно, так как изменения по ним могут происходить как в зависимой, так и в вершинной позиции (выделенные формы в изолированной позиции не встречаются). Исходные формы для всех векторов совпадают (т.е. пересекаются $C_1 = V_1 = I_1$) и имеют нулевой показатель (см. Рис. 1). Выделенность и изафетное состояние могут быть применены также к формам множественного числа. Зависимое имя можно распространять вплоть до простого предложения весьма значительной длины, которое оформляется послелогом ٭-gā .

Целью данной статьи является уточнение статуса изафетного показателя, роли артикля и классификации форм вокатива, что в совокупности позволяет пересмотреть систему именного словоизменения в близкородственных юго-западных иранских языках (персидском, таджикском и дари).

ВЕРШИННОЕ МАРКИРОВАНИЕ

Изафетный показатель

В общелингвистической литературе во многих языках отмечают изафетную конструкцию [Плунгян 2000: 184–187; 2011: 200–204]: в иранских (подробнее см. ниже), в алтайских (турецкий), в афразийских (арабский, иврит), в уральских (венгерский, финский) и в германских языках (швейцарский немецкий, африкаанс). Однако только в юго-западных иранских языках имеется узкоспециализированный показатель связи слов в изафетной конструкции, тогда как в других языках для этого используются местоимения и артикли, основная функция которых не является связочной. Они имеют также и другие синтаксические функции, и поэтому их нельзя считать флексиями.

Для подгруппы современных юго-западных иранских языков даются описания изафетного словосочетания:

а) весьма подробно в отношении персидского [Пейсигов 1959: 41–108; Рубинчик 1970: 839; 2001: 363–368; Миколайчик 1980: 239–243; Поляков 1988: 213–214; Мошкало 1997а: 79], дари [Дорофеева 1960: 36; Киселева 1985: 100, 108–109; Мошкало 1997б: 129, 138; Островский 2004: 99–100], таджикского [Грамматикаи 1985: 53; Керимова 1997а: 101, 110; Иванов и др. 2009: 13];

б) кратко в отношении татского [Грюнберг, Давыдова 1982: 251; Грюнберг 1997: 146]; лурских и бахтиярских диалектов [Керимова 1982а: 295; 1997б: 168]; диалектов Фарса [Керимова 1982б: 339]; хазара [Ефимов 1997а: 160; 2008: 363]; ларских диалектов [Молчанова 1997а: 175].

Общие закономерности исторического развития изафета для трех близкородственных юго-западных языков персидского, таджикского и дари показаны также в работе [Ефимов и др. 1982: 103, 111]. Существует мнение, что, по всей вероятности, в остальных юго-западных языках изафетная связь от общего исходного состояния развилась под влиянием персидского [Грюнберг, Давыдова 1982: 251]. Кроме того, персидский изафет в составе заимствований широко употребляется в языках других подгрупп, групп и семей: в северо-западных и восточно-иранских языках, индоарийских и тюркских, носители которых в разные исторические периоды оказывались в сфере влияния Ирана и/или персоязычных завоевателей.

Сверх того, в некоторых северо-западных иранских языках существуют свои изафетные системы:

а) сложные в гурани [Пирейко 1997а: 147, 175–177; 1999а: 79], в курдском [Авалиани, Бакаев 1999: 62], в заза [Пирейко 1997б: 99, 120–121; 1999б: 74; Цаболов 1997: 55–56], в сивенди (под влиянием курдского) [Молчанова 1997б: 331–332, 385–388; 1999а: 239–240];

б) простые (вероятно, под влиянием персидского) в абдуи [Молчанова 1999б: 87], в гилянском [Расторгуева 1999а: 117], в шамерзади [Расторгуева 1999б: 136], в велатру [Расторгуева 1999в: 142], в семнанских диалектах (сурхей, ласгерди, биябунеки, афтари) [Расторгуева 1999г: 151], в центральноиранских диалектах (вонишуни, кешей, кох-руди, сои, зафраи, меймеи, джавшакани, хунсари, махаллати, натанзи, наини, яранди/ярани, фаризанди, хури, седеи, гази, кафрани) [Расторгуева, Мошкало 1997: 262, 266–268; Расторгуева, Молчанова 1999: 180], в диалектах Большой Соляной пустыни (хури, мехрджани, фарви/фаррохи, гармеи, ираджи) [Молчанова 1999в: 234], в таджриши [Виноградова 1999: 250], в парачи [Ефимов 1997б: 424, 484, 488, 492, 494, 547; 1999а: 264], в ормури [Ефимов 1999б: 281]; в гявруни/йезди/зороастрийском дари [Маздапур 1995: 18, 92, 107; Молчанова 2008: 310].

Несмотря на многочисленность описаний изафетных систем, в иранистике представляет собой проблему определение статуса изафетного показателя (ИП). Рассмотрим эту проблему более подробно.

В таджикских грамматиках ИП однозначно воспринимается как часть слова [Грамматикаи 1985: 13]. В некоторых работах, посвященных персидскому языку, его без особых доказательств определяют как частицу: ‘particule’ [Lazard 1957: 62]; حرف نشانه ‘harf-e nešāne’ (см. популярную в Иране грамматику [Анвар, Ахмади-Гиви 2010: 271]). Во всех источниках (кроме работ Л.С. Пейсикова) полагается, что ИП оформляет первое слово словосочетания. Какой же статус ИП предпочесть: служебное слово (частица) или аффикс (окончание)?

В первом случае он должен связываться со знаменательными частями речи синтаксической связью, и тогда надо указать, что это за связь и какой частью речи он (изафетный показатель) является. Во втором случае лингвист должен его изображать в транскрипции так же, как он это делает с флексиями – без дефиса, в составе слова (как в таджикской орфографии).

Говоря «изафетный показатель», иранисты уходят от решения этих проблем, оставляя их будущим поколениям. Единственный известный иранист, с которым нам довелось подробно обговорить эту проблему, был проф. Л.С. Пейсиков, автор оригинальной синтаксической концепции. Интересно его следующее высказывание:

Изафет является формой выражения отношения между словами, вступившими в словосочетание... Лишено всяких оснований, поэтому, рассматривать изафет как морфологическую (или морфолого-синтаксическую) форму имени и отождествлять его с падежным показателем, свойственным флективным языкам. Точно также лишено оснований считать изафет формой слова лишь на основании фонетического признака энклитичности изафетной частицы, ее внешнезвучовой слитности с первым членом словосочетания.

И далее:

Можно ли на основании неударности и фонетической слитности изафета с предшествующим именем считать изафетную частицу морфологической (морфолого-синтаксической) формой имени? [Пейсиков 1959: 49–50].

Переводя эти рассуждения на современный лад, заметим, что тут Л.С. Пейсиков отрицает вершинное маркирование: ИП у него оказывается строго посредине между главным и зависимым словами. В этом его поддерживает В.И. Миколайчик [Миколайчик 1980: 239–240].

В устных беседах Л.С. Пейсиков для изафетного показателя вводил третью промежуточную категорию – «синтаксическая частица», которая не была ни словом, ни его частью. При этом он ссылаясь на синтаксис японского языка, где аналогичные единицы существуют. Более поздняя проверка (уже после кончины Л.С. Пейсикова в 1978 г.) показала, что известные автору японисты о таких образованиях не знают. В японском языке все синтаксические единицы считаются либо словом, либо его частью. Критерий вставки показывает, что японские частицы отделяются от связанного с ними имени словесными границами [Алпатов 2012: 21–22]. Поэтому, если мы хотим остаться в рамках общего языкознания, статус изафетного показателя в иранских языках должен определяться в рамках дихотомии (слово ↔ часть слова).

В обоих случаях надо указать, маркером какой грамматической категории он является. Пока что это иранистами не сделано. Существенный шаг в решении этой проблемы сделан в общелингвистическом (типологическом) исследовании [Плунгян 2000: 184–187].

Для того чтобы определить, входит та или иная морфема в состав слова или находится за его пределами, надо провести вокруг исследуемого отрезка речи словесные границы. В случае изафетного показателя – наиболее грамматикализованной и лексически опустошенной морфемы – это затруднительно.

Для диагностирования словесных границ в соответствии с ранее разработанными правилами (см. [Иванов 1995]) мы должны попытаться вставить в исследуемую последовательность морфем, какое-либо слово. Составим изафетное словосочетание из слов شاگرد *šāgerd* ‘ученик’ и استاد *ostād* ‘мастер’:

شاگرد استاد
*šāgerd-e ostād*¹
 ученик-IZF мастер
 ‘ученик мастера’

Попробуем распространить это словосочетание, вставив между изафетным показателем и определяемым существительным еще одно слово – прилагательное نو *nov* ‘новый’:

شاگرد نو استاد
šāgerd-e nov-e ostād
 ученик-IZF новый-IZF мастер
 ‘новый ученик мастера’

После распространения в нашей изафетной цепи появилось два изафетных показателя (-e). Проблема заключается в том, что из-за лексической опустошенности нет возможности доказать, что после распространения новое слово вклинилось между существительным и изафетным показателем. С таким же (а возможно, и с большим) успехом можно утверждать, что к комплексу «существительное-IZF» добавился комплекс «прилагательное-IZF». Таким образом, у нас нет оснований проводить словесную границу между изафетным показателем и распространяемым словом.

В своей монографии Л.С. Пейсиков продолжает: «Фонетический признак (равно как и правила графического изображения) не может служить достаточным критерием для определения грамматической природы тех или иных показателей и форм. Известно, например, что частица -gā также фонетически сливается с предшествующим словом, однако этот признак не дает нам основания отнести частицу -gā к числу словоизменительных форм частей речи» [Пейсиков 1959: 50]. Фактически такая точка зрения подтверждается и в более близких нашему времени исследованиях: «...фонетический критерий нельзя рассматривать как необходимый признак синтаксической связи. К сожалению, признак фонетической слитности не является и достаточным» [Тестелец 2001: 79].

Действительно, фонетический признак сам по себе не может служить достаточным критерием для проведения словесных границ. Однако рассмотрев его в совокупности со свойством отделимости (см. выше ранее разработанную процедуру, а также [Плунгян 2000: 33; Алпатов 2012: 21]), мы оказываемся в состоянии различить эти два феномена

¹ Во многих иранских книгах и в работе [Пейсиков 1959] изафетный показатель /e/ в транскрипции с обеих сторон прикрепляется дефисами к именным частям речи с целью показать, что он в равной степени относится к обоим знаменательным словам. В таджикской орфографии он включается в состав первого слова. В транскрипции текстов дари его принято присоединять одним дефисом к первому слову [Островский 2004], т.е. судя по всему, он мыслится энклитикой, находящейся за границами слова.

(ИП ↔ послелог *gā*): между послелогом *gā* и существительным можно вставить слово (например, прилагательное, тадж.):

деворро	→ девори	баландро
девор-ро	→ девор-и	баланд-ро
стена- <i>rā</i>	→ стена- <i>izf</i>	высокий- <i>rā</i>
‘стену’	→ ‘высокую стену’	

В то же время ИП никакими приемами не удастся оторвать от того слова, к которому он относится. Следовательно, послелог/частицу *-gā* нельзя считать окончанием (аффиксом), а ИП – можно².

Исторически из придаточного определительного предложения, которое существовало в древнеперсидском языке, развился тип связи, который называется изафетной (от *اضافه ezāfe* ‘добавление’). В древнеперсидском после определяемого ставилось связующее слово *h^aya* (в прямом падеже) или *t^aya*- (в косвенных падежах) ‘который’. Слово-сочетание с ним означало, например, следующее [Ефимов и др. 1982: 111–112]:

kāra h^aya hamīciya ‘мятежное войско’ (букв. ‘войско, которое мятежное’).

В среднеперсидском эти связующие слова стянулись до долгого *ī*, что после тысячелетнего развития в современных персидском и дари дало краткий *-e*, а в таджикском – краткий *-i*. Они стали энклитиками, всегда безударны, потеряли способность употребляться самостоятельно (в начале/в конце высказывания или обособленно) и вводить придаточное предложение.

На современной стадии развития языка ИП превратился в аффикс (флексию) изафетного состояния. Поэтому в будущем транскрипции с дефисом *شاگرد استاد šāgerd-e ostād* ‘ученик мастера’ следует предпочесть запись без дефиса *شاگرد استاد šāgerde ostād* ‘ученик мастера’, но с указанием ударения (ударный гласный выделяется жирным шрифтом). Такая запись близка таджикскому образцу *шогирди устод*, где нефинальное ударение обозначается отсутствием знака долготы над последним гласным в слове: тадж. *шогирди* ‘ученик’ ↔ *шогирдӣ* ‘ученичество’.

Типологическое сравнение изафетной конструкции в разных языках (см. [Плунгян 2000: 184–185; 2011: 200–204]) приводит нас к следующим выводам.

Существует два типа маркирования слов в словосочетании:

а) зависимого (как в русском *дом отца*, где *отец* – зависимое слово, получающее соответствующее окончание);

б) вершинного (как в персидской изафетной конструкции):

خانه پدر	
<i>xāne-ye</i>	<i>pedar</i>
дом- <i>izf</i>	отец
‘дом отца’,	

где *خانه xāne* ‘дом’ – главное слово, получающее изафетный показатель.

Согласно мнению, высказанному в работе [Плунгян 2011: 201], персидский изафетный показатель проявляет свойства групповой флексии. Для того чтобы оценить это утверждение, сопоставим варианты распространения изафетной цепи:

(1) а. شاخه گل	<i>šāxe-ye</i>	<i>gol</i>		‘веточка цветков’
	веточка- <i>izf</i>	цветок		
б. شاخه گل صورتی	<i>šāxe-ye</i>	<i>gol-e</i>	<i>surati</i>	‘веточка розовых цветков’
	веточка- <i>izf</i>	цветок- <i>izf</i>	розовый	

² В таджикской кириллице оба случая не различаются: и ИП, и послелог *-ро* пишутся слитно с предыдущим словом. Следовательно, авторы таджикской орфографии обе морфемы полагают аффиксами (окончаниями): *морро* ‘нас’ (букв. *мы-rā*), *роҳи дур* ‘дальний путь’ (букв. *путь-izf дальний*).

в. شاخه دو گل	šāxe-ye	do	gol		‘веточка из двух цветков’
	веточка-IZF	два	цветок		
г. شاخه دو گل صورتی	šāxe-ye	do	gol-e	surati	‘веточка из двух розовых
	веточка-IZF	два	цветок-IZF	розовый	цветков’

Во всех случаях изафетный показатель прикрепляется к именным частям речи (существительному и прилагательному). Заметно, что при внедрении в изафетную цепь количественного числительного دو do ‘два’ она (временно) прерывается. Иными словами, распространение происходит нелинейно. Числительное в препозиции добавляется к существительному گل gol ‘цветок’ (вставляется внутрь цепи), а не существительное گل gol ‘цветок’ добавляется к комплексу شاخه دو *šāxe-ye do ‘вторая веточка’ (букв. веточка-IZF два). В последнем сконструированном случае наблюдаем плохой стиль, так не говорят, хотя количественное числительное может быть изафетным определением: دو اتق otāq-e do ‘вторая аудитория’ (букв. аудитория-IZF два).

Замечание о том, что в примере (1в) изафетная цепь временно прервалась, надо понимать так, что ее распространение можно продолжить (1г). Есть ряд знаменательных и незнаменательных частей речи (личное местоимение, местоименная энклитика и т.п.), на которых изафетная цепь заканчивается и далее продолжена быть не может.

Соединительный артикль

В персидском языке изафетный показатель оказывается, хотя и самым распространенным, но не единственным способом вершинного маркирования. В качестве такого маркера может использоваться также артикль. Атрибутивная модель «существительное-арт прилагательное» в настоящее время представляет собой самый распространенный вид артиклевых словосочетаний. Она появилась еще в эпоху существования среднеперсидского языка.

В те времена артикль мог сочетаться с изафетным показателем. К существительному вначале присоединялся артикль, а за ним уже следовал изафетный показатель, потом ставилось определение в виде прилагательного (сред. перс. [Расторгуева, Молчанова 1981: 60]):

U-š	pad	dast	dās-ē-ī	āhanin	dāšt-Ø
И-3SG	в	рука	серб-ART-IZF	железный	иметь-PST.3SG
‘И в руке у него был железный серп’.					

Артикль -ē при слове dās ‘серб’ тогда, как и сейчас, обозначал единичность и неопределенность. Изафетный показатель уже тогда был лексически опустошенной частицей. Таким образом, буквально словосочетание dās-ē-ī āhanin имеет семантику ‘какой-то один железный серп’.

В дальнейшем, вероятно, по фонетическим соображениям (два рядом стоящих сходных гласных трудно было произносить членораздельно) в сочетаниях такого рода остался один показатель. Более семантически нагруженный элемент – артикль – взял на себя еще и связочную функцию изафетного показателя. В этом контексте артикль из морфологически элементарной единицы превращается в кумулятивную. При кумуляции³ несколько различных грамматических значений выражаются одним морфологически нечленимым (т.е. элементарным) показателем.

В среднеперсидском примере [Расторгуева, Молчанова 1981: 62; Чунакова 1987: 42]

³ Типичным примером является кумуляция граммем числа и падежа в склонении русских существительных. В форме *лунами* окончание -ами указывает не только на творительный падеж, но и на множественное число [Плунгян 2000: 42].

Ārdawān-rāy	kanīzag-ē	abāyišnīg	bud-Ø
Ардабан-рā	девушка-ART	достойный	быть-PST.3SG
‘У Ардабана была одна достойная девушка’.			

артиклъ уже помимо неопределенности и единичности синтаксически связывает определяемое kanīzag ‘девушка’ и определяющее abāyišnīg ‘достойная’ в словосочетание номинативного типа kanīzag-ē abāyišnīg ‘одна достойная девушка’ (букв. девушка-ART достойная).

Другой пример на вершинное маркирование артиклем в среднеперсидском языке [Чунакова 1987: 46]:

mard-ē	wuzurgmenīšn
мужчина-ART	благородный
‘некий благородный мужчина’.	

В классическом персидском языке на этот вид связи находим следующие примеры:

شبی خوش	
šab-i	xoš
ночь-ART	приятная
‘одна приятная ночь’ (Саади) [Деххода 2002];	

خونی سیاه	
xun-i	siyāh
кровь-ART	черная
‘какая-то черная кровь’ (История, Табари) [Там же].	

Следующий пример (класс. перс.) показывает, что артиклъ, также как и изафетный показатель, может связывать существительное и синтаксическую группу – другое словосочетание, выступающее как определение к главному слову.

سرائی بس فراخ و مسکنی خوش			
sarā-i	bas farrāx-o	maskan-i	xoš
дворец-ART	очень просторный и	жилье-ART	хороший
'какой-нибудь очень просторный дворец и какое-нибудь хорошее жилье'			
(Насер-е Хосроу) [Там же].			

Словосочетание, основанное на примыкании, bas farrāx ‘очень просторный’ определяет существительное sarā ‘дворец’. Сравним с аналогичным по структуре, но с изафетным словосочетанием خانه بسیار بزرگ xāne-ye besyār bozorg ‘очень большой дом’ (букв. дом-IZF ‘очень большой’). Оба вида относятся к сложным словосочетаниям [Пейсигов 1959: 200; Рубинчик 2001: 374]. Сложные словосочетания необходимо рассматривать как иерархию синтаксических связей (см. Рис. 2).

Для диагностики артиклевой словосочетания модели «существительное-ART прилагательное» следует преобразовать его в изафетную конструкцию с артиклем вида «существительное-IZF прилагательное-ART». Если такое преобразование допустимо и изафетный показатель может занять место артикля (необходимое и достаточное условие), то исследуемое словосочетание относим к частной модели артиклевой связи «существительное-ART прилагательное».

Рис. 2. Структура новоперсидского словосочетания sarā-i bas farrāx ‘очень просторный дворец’

Рассмотрим пример из «Калилы и Димны» [Деххода 2002]:

برمک مردی بزرگوار بود

Barmak	mard-i	bozorgvār	bud-Ø
Бармак	мужчина-ART	достойный	быть.PST.ST-PST.3SG

‘Бармак был достойным человеком’.

Артиклевое сочетание مردی بزرگوار mard-i bozorgvār ‘некий достойный мужчина’ (букв. мужчина-ART достойный) может быть преобразовано в изафетное словосочетание مرد بزرگوار mard-e bozorgvār-i (букв. мужчина-IZF достойный-ART) с тем же лексическим значением.

В последнем случае артикль может быть удален безболезненно для грамматических связей, и мы получим مرد بزرگوار mard-e bozorgvār ‘достойный мужчина’ (букв. мужчина-IZF достойный). Безболезненность удаления артикля свидетельствует о том, что он здесь не выполняет связочной функции. Изафетный показатель -e в مرد بزرگوار mard-e bozorgvār удалить нельзя, также как и артикль -i в مردی بزرگوار mard-i bozorgvār, так как они выполняют связочную функцию. Синтаксическая граница между составами подлежащего и сказуемого проходит после слова برمک Barmak перед исследуемой группой слов (а не внутри его). Значит, в первом случае мы имеем дело со словосочетанием, отвечающим всем классическим требованиям.

Множество подобных примеров из современного персидского языка мы находим в словаре А.А. Деххода среди авторских пояснений к значениям слов [Там же]:

خطابی توهین‌آمیز کسی را که دست در کار دیگران درآورد

Xatāb-i	towhin'āmiz	kas-i-rā	ke	dast	dar	kār-e	digar-ān
Окрик-ART	оскорбительный	кто-то-ART-RĀ	который	рука	в	дело-IZF	другой-PL

darār-ad
совать.PRS.ST-SBJV.3SG

‘Оскорбительный окрик по отношению к тому, кто лезет в чужие дела’;

دختری خواستگاری شده اما عقد نکاح نایمته

Doxtar-i	xāstgāri	šode,	ammā	aqd-e	nekāh	nā-baste
Девушка-ART	сватовство	стать.PST.PTCP, но		договор-IZF	брак	NEG-заклучать-PST.PTCP

‘Девушка просватанная, но не выданная замуж’;

یک جوال؛ یعنی جوالی پر

Yek	javāl;	ya'ni	javāl-i	por
Один	мешок;	то_есть	мешок-ART	целый

‘Один мешок, т.е. целый мешок’.

Более современные примеры артиклевых словосочетаний находим в рассказе иранского писателя Ибрахима Голестана «С сыном по дороге», который был написан в 1966 г.:

مرد ورزشکار سبیلی کلفت داشت

Mard-e	varzeškār	sibil-i	koloft	dāšt-Ø
Мужчина-IZF	гимнаст	ус-ART	толстый	иметь-PST.3SG

‘У мужчины-гимнаста были пышные усы’;

بعد با صدای ضربهای بلند بریده شد

Ba'd	bā	sedā-ye	zarbe-i	boland	boride-šod
Потом	с	звук-IZF	удар-ART	громкий	резать-PASS.PST.3SG

‘Потом она была прервана громким ударом’.

В последнем примере мы видим сложную изафетную конструкцию, где распространяющим элементом является словосочетание, основанное на артикле (см. Рис. 3).

Рис. 3. Структура изафетного словосочетания с вложенным артиклем словосочетанием

Артиклевые словосочетания входят в состав различных клише и потому нередко используются в заголовках радио и телевизионных передач:

شرحی مختصر

šarh-i moxtasar
биография-ART краткий
'краткая биография';

مروری کوتاه بر اخبار داخلی

morur-i kutāh bar axbār-e dāxeli
обзор-ART краткий над событие\PL-IZF внутренний
'краткий обзор внутренних событий';

نگاهی گذرا

negāh-i gozarā
взгляд-ART беглый
'беглый взгляд' и т.п.

Данный вид словосочетаний можно найти и в заголовках современных газет и журналов:

مقاله‌ای منتشر نشده از کارل رایموند پوپر *Maqāle-i montašer našode az Kārl Rāymond Poper* 'Неопубликованная статья Карла Раймонда Паупера' (Газета «Хамшахри» 15.12.2002, с. 32).

خبری خوش برای بیماران کبدی *Xabar-i xoš barāye bimārān-e kabedi* 'Приятная новость для печеночных больных' (Газета «Хамшахри» 15.12.2002, с. 32).

В артиклевых словосочетаниях в качестве распространяющего слова может быть также неопределенное местоимение دیگر digar 'другой'. В частности, в словаре А.А. Деххода в пояснениях часто встречается выражение ...تعبیری دیگر از ta'bir-i digar az... 'другой вариант выражения...'

Примечание. Соединительный артикль после существительных во множественном числе не употребителен.

Помимо вышеописанного артиклевого атрибутивного сочетания, имеющего изафетный аналог, в персидском языке распространены и другие модели словосочетаний с артиклевой связью: مقداری جواهر meqdār-i javāher 'несколько драгоценных камней', متنی تفکر moddat-i tafakkor 'некоторое раздумье', نغری پنج nafar-i panj 'человек пять', صدی چند sad-i čand 'несколько процентов'. Описания этих типов артиклевых словосочетаний с примерами приводятся в работе [Иванов 2003].

Среди грамматических категорий имени статус оказывается наиболее общей грамматической категорией. Она охватывает все персидские существительные, значительное число других именных частей речи (прилагательные, числительные, местоимения). Все из них можно изменять минимум по двум формам: неизафетной (абсолютной) и изафетной (сопряженной). Неизафетная является исходной и совпадает со словарной: نام nām 'имя', دریا daryā 'море', افسانه afsāne 'сказка', اهواز Ahvāz 'Ахваз' (город). К изафетной форме существительного относится изафетное определение: نام من nām-e man 'мое имя' (букв. имя-IZF мой), دریای خزر daryā-ye Xazar 'Каспийское море' (букв. море-IZF Каспий), افسانه قشنگ afsāne-ye qašang 'прекрасная сказка' (букв. сказка-IZF прекрасный), اهواز معاصر Ahvāz-e mo'āser 'современный Ахваз' (букв. Ахваз-IZF современный).

Изменение существительного **سرباز** *sarbāz* ‘солдат’ по статусу

Статус	Ед. ч.	Мн. ч.
Неизафетный	سرباز <i>sarbāz</i> ‘солдат’	سربازان <i>sarbāzān</i> ‘солдаты’
Изафетный	...سرباز <i>sarbāz-e</i> ‘солдат’	...سربازان <i>sarbāzān-e</i> ‘солдаты’
Артиклевый	...سربازی <i>sarbāz-i</i> ‘солдат’	...سربازانی <i>sarbāzān-i</i> ‘солдаты’

Изафетный показатель является специализированным аффиксом – он обозначает сопряженность и ничего более. Методом агглютинации он присоединяется к такому же специализированному аффиксу – показателю множественного числа. Порядок следования аффиксов жесткий: сначала (непосредственно к основе) прикрепляется показатель множественного числа, затем изафетный показатель (см. Рис. 1 и Табл. 3).

Случаи вершинного маркирования с помощью артикля встречаются гораздо реже. В этом употреблении показатель связи обозначает еще и неопределенность. Кроме того артиклевые словосочетания стилистически окрашены: их стиль воспринимается как более книжный, высокий.

ЗВАТЕЛЬНАЯ ФОРМА

Класс существительных (собственных и нарицательных), которые могут обозначать собеседника (лиц), имеет еще одну падежную форму – вокатив (звательный падеж). В языках мира его определяют как «внесистемный падеж» [Плунгян 2000: 171] и относят к так называемым «шифтерным» значениям [Там же: 253]. В современном персидском языке он маркируется особым ударением в сочетании с особой интонацией [Lazard 1957: 34; Завьялова 1964]. В персидских грамматиках разница в ударении не комментируется, все звуковые различия приписываются интонации [Анвары, Ахмади-Гиви 2010: 123]. В этом случае маркер звательности на письме не получает выражения, становясь примером методов ударения [Реформатский 2001: 307] (более ярко выраженный) и интонации [Там же: 308] (менее ярко выраженный).

В исходной форме (неизафетном статусе) все существительные имеют финальное ударение. Маркирование звательного падежа заключается в сдвиге ударения и подразделяется на два этапа.

1) На первом этапе (при первом обращении к собеседнику) существуют акцентуальные варианты. В этой фазе ударение сдвигается с финального слога:

а) в двухсложных словах на первый слог (с любыми гласными, наиболее частотный случай): **خاتم!** *xānum!* ‘госпожа!’, **آقا!** *āqā!* ‘господин!’, **احمد!** *Ahmad!* ‘Ахмед!’, **زینب!** *Zeynab!* ‘Зейнаб!’;

б) в трехсложных словах на предпоследний слог, если там есть долгий гласный: **ایله!** *Elāhe!* ‘Элахе!’, **خدایار!** *Xodāyār!* ‘Ходайар!’;

в) в трехсложных словах на первый слог, если в предпоследнем слоге краткий гласный: **بنفشه!** *Banafše!* ‘Банафше!’, **مرتضی!** *Mortezā!* ‘Мортеза!’.

Теоретически в четырехсложных словах (и более длинных) закономерности сдвига ударения в звательном падеже должны быть такие же, как и в трехсложных. Однако такие длинные слова с практической точки зрения неудобны для обращения и громкого зова, и их избегают. В разговорном языке длинные имена сокращаются. Например, женское имя **پریچه** *Paričehr* ‘Паричехр’ в зове усекается до **Pari!**⁴

2) При повторном обращении, если собеседник не отреагировал на первый призыв, ударение сдвигается обратно на последний слог вне зависимости от вокалической

⁴ Публикации по правилам стяжения персидских личных имен нам пока не известны.

структуры слова! خاتم! xānum! ‘госпожа!’,! آقا! āqā! ‘господин!’,! احمد! Ahmad! ‘Ахмед!’,! زینب! Zeynab! ‘Зейнаб!’,! الهه! Elāhe! ‘Элахе!’,! خدایار! Xodāyār! ‘Ходайар!’,! بنافشه! Banafše! ‘Банаше!’,! مرتضی! Morteza! ‘Мортеза!’.

На обоих этапах обращения последний слог слова произносится более протяжно. На втором этапе интонационное увеличение длительности последнего слога является единственным отличием от немаркированной исходной формы. С функциональной точки зрения оба вокатива противопоставлены друг другу по степени (наличию / отсутствию) реакции.

Помимо описанного современного разговорного способа маркирования звательных форм до сих пор в литературе используются архаичные методы: один синтетический и один аналитический. Синтетический заключается в прибавлении к основе безударного окончания -a (الف ندا alef-e nedā, букв. ‘алеф зова’, или الف دعا alef-e do’ā, букв. ‘алеф мольбы’)! خداوند! xodāvandā! ‘Боже!’⁵ [Анвары, Ахмади-Гиви 2010: 270].

Аналитические способы заключаются:

а) в использовании междометий! ای! ‘o!’,! آهای! āhāy ‘эй!’: عی! Ey, xodā! ‘О, боже!’,! آهای! Āhāy, pesar! ‘Эй, мальчик!’ (В персидской графике обращение запятыми не выделяется) [Там же: 271];

б) в присоединении к именам собственным безударного (энклитического) слова جان ‘душа’. Это наиболее продуктивный способ образования звательной формы: علیرضا جان! [‘Alirezā-jān! ‘О, Алиреза!’. Слово جان jān ‘душа’ может присоединяться к именам любой длины. Однако, во-первых, далеко не все нарицательные существительные, обозначающие лица, могут в нем участвовать: پدر جان! [pedar-jān! ‘o, отец!’ сказать можно, а, например, مهندس جان! [*mohandes-jān! ‘o, инженер!’ нам слышать не приходилось. Во-вторых, этот способ ограничен разговорным (неофициальным) стилем. С трибуны к людям так обращаться нельзя.

Широко употребительны заимствованные из арабского аналитические звательные конструкции со служебным словом یا yā: یا علی! Yā ‘Alī! ‘О, Али!’,! یا محمد! Yā Mohammad! ‘О, Мухаммед!’ [Там же: 271]. Однако они не являются обращениями в полном смысле этого слова, т.е. это застывшие формулы, которые используются в иных, нежели для призыва, целях: یا علی! Yā ‘Alī! ‘О, Али!’ – это формула прощания,! یا محمد! Yā Mohammad! ‘О, Мухаммед!’ – формула ритмизации усилий типа русского Раз! Два! Взяли!

В современном языке показатели изафетного статуса чисто морфологические, а показатели вокатива могут быть просодическими. Поэтому ничего не мешает им накладываться друг на друга. С одной стороны, в разговорной речи приходилось наблюдать такие случаи, когда сдвига ударения в изафетной конструкции не происходит: آقای عزیز! Āqā-ye ‘aziz! ‘Господин хороший!’ (букв. ‘Господин-Izf милый!’ – оклик незнакомого мужчины).

С другой стороны, в литературном языке в стандартных изафетных обращениях к аудитории ударение сдвигается: شونندگان گرامی! Šanavandegān-e gerāmi! ‘Дорогие слушатели!’,! بینندگان عزیز! Binandegān-e ‘aziz! ‘Дорогие зрители!’,! حضار محترم! Hozzār-e mohtaram! ‘Уважаемые присутствующие!’,! دوستان گرامی! Dustān-e gerāmi! ‘Дорогие друзья!’.

Новый вокатив с безударным формантом -i мы обнаруживаем пока в основном в телефильмах. В персидских грамматиках данная форма не отражается [Анвары, Ахмади-Гиви 2010: 123–124]: مامانی! Māmān-i! ‘Мамочка!’,! بابایی! Bābā-yi! ‘Папочка!’.

ЗАВИСИМОЕ МАРКИРОВАНИЕ

Зависимое маркирование имени представлено в юго-западных языках одним способом: постановкой послелога را -rā после выделенного прямого дополнения (функция, сходная с винительным падежом). В персидских грамматиках тот факт, что для оформления послелогом прямое дополнение должно быть обязательно выделенным,

⁵ До исламской революции 1979 г. использовалось обращение к шаху и шахине! شاهنشاه و علیاحضرتا! Šāhanšāh va ‘olyāhazratā! ‘О, шахиншах и шахиния!’.

не упоминается [Анвар, Ахмади-Гиви 2010: 271]. Это аналитический способ, который хорошо описан в литературе, и поэтому мы здесь его подробно не рассматриваем:

در را زدند		
Dar-rā	zad-and	
Дверь-RA	стучать.PST.ST-PST.3PL	
'В дверь постучали';		
ماشین جدیدش را دیدم		
Māšin-e	jadid-aš-rā	did-am
Машина-IZF	новый-3SG-RA	видеть.PST.ST-PST.1SG
'Я увидел ее новую машину'.		

В последнем примере послелог отделен от существительного, к которому относится, прилагательным и местоименной энклитикой. В данной работе этот способ приводится как пример зависимого маркирования, поскольку указанный термин иранистами не употребляется.

Вопрос, можно ли считать падежной систему из двух форм существительного (исходную с нулевым окончанием и аналитическую с отделимым послелогом را-rā), должен, очевидно, решаться в свете дискуссии, которая отражена в работе [Алпатов 2012: 22–23]. То есть если мы считаем, что падежная форма должна быть обязательно синтетической, то таковых не обнаруживается. Если же мы признаем возможность существования аналитических падежных форм вообще, то для юго-западных иранских языков следует ввести категорию падежа.

ВЫВОДЫ

Обычно в грамматиках современных близкородственных юго-западных иранских языков персидского, таджикского и дари указывают не более двух словоизменительных категорий имен существительных: число и выделенность (детерминацию). В некоторых работах употребление послелога (т.е. зависимое маркирование) подается как винительный падеж существительного (что не во всем корректно). При этом иранисты упускают из вида (или некорректно интерпретируют) случаи вершинного маркирования (изафетную и артиклевую конструкции) и различные виды вокативов (обращений).

Фонетический признак (энклитическое присоединение) в совокупности с признаком неотделимости (невозможностью вставки) дает нам основание считать изафетный показатель специализированным аффиксом вершинного маркирования слова в изафетной конструкции. Таким образом, сочетания с ним именных основ, в том числе осложненных словоизменительными суффиксами, следует признать синтетическими формами слова.

Артикль не только маркирует выделенность, но и может одновременно выступать в связочной функции, то есть может быть маркером вершинного положения имени в словосочетании. Однако в отличие от изафетного показателя он находится за пределами словесных границ и образует с существительным словоформу аналитического типа.

Звательные формы (вокативы) образуются от исходной формы имен аффиксацией и/или интонационно-просодически. При последовательном описании их наряду со словоформами вершинного положения в словосочетании необходимо включать в систему именного словоизменения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1SG	1 лицо единственного числа	PASS	пассивный (страдательный) залог
3SG	3 лицо единственного числа	PL	множественное число
ART	артикль	PRS	настояще-будущее время
IZF	изафетный показатель	PRS.ST	основа настоящего времени глагола
NEG	отрицание	PST	прошедшее время

PST.ST	основа прошедшего времени глагола	svlv	настояще-будущее время сослагательного наклонения (в грамматиках не совсем корректно, но традиционно называется аористом)
PTCP	причастие		
RĀ	послелог -rā (в персидском и дари произносится -rā, в таджикском – -ro)		

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авалиани, Бакаев 1999 – Ю.Ю. Авалиани, Ч.Х. Бакаев. Курдский язык // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Алпатов 2012 – В.М. Алпатов. Есть ли в японском языке падежи? // Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Материалы X Междунар. конф. М., 2012.
- Анвары, Ахмади-Гиви 2010 – Х. Анвары, Х. Ахмади-Гиви. Грамматика персидского языка. Тегеран, 2010 (1389) – 1389. دستور زبان فارسی- تهران، انوری ح. و احمدی گیوی ح.
- Виноградова 1999 – С.П. Виноградова. Таджикский язык // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Грамматикаи 1985 – Грамматикаи забони адаби ба номи Рӯдакӣ. Душанбе, 1985.
- Грюнберг 1997 – А.Л. Грюнберг. Татский язык // Языки мира. Иранские языки. Т. I. Юго-западные иранские языки. М., 1997.
- Грюнберг, Давыдова 1982 – А.Л. Грюнберг, Л.Х. Давыдова. Татский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.
- Даниэль 2008 – М.А. Даниэль. Звательность как дискурсивная категория. Несколько гипотез // В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4. М., 2008. (URL: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/people/daniel.php>.)
- Даниэль 2009 – М.А. Даниэль. «Новый» русский вокатив: история формы усеченного обращения сквозь призму корпуса письменных текстов // А.Л. Киселёва (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009.
- Деххода 2002 – А.А. Деххода. Словарь Деххода (электронная версия). Тегеран, 2002 (1381) – 1381. دهخدا ع. ا. لغتنامه دهخدا. مؤسسه لغتنامه دهخدا، مؤسسه انتشارات و چاپ دانشگاه تهران، تهران،
- Дорофеева 1960 – Л.Н. Дорофеева. Язык фарси-кабули. М., 1960.
- Ефимов 1997а – В.А. Ефимов. Хазара язык // Языки мира. Иранские языки. Т. I. Юго-западные иранские языки. М., 1997.
- Ефимов 1997б – В.А. Ефимов. Парачи // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа. II. М., 1997.
- Ефимов 1999а – В.А. Ефимов. Парачи язык // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Ефимов 1999б – В.А. Ефимов. Ормури язык // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Ефимов 2008 – В.А. Ефимов. Хазара // Основы иранского языкознания. Среднеиранские и новоиранские языки. М., 2008.
- Ефимов и др. 1982 – В.А. Ефимов, В.С. Расторгуева, Е.Н. Шарова. Персидский, таджикский, дари // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.
- Завьялова 1964 – В.И. Завьялова. Динамическая характеристика вокативной синтагмы в персидском языке // Иранская филология. Л., 1964.
- Иванов 1995 – В.Б. Иванов. Границы слова и инкапсуляция в персидском, таджикском и дари // Вопросы языкознания. 1995. № 3.
- Иванов 2003 – В.Б. Иванов. Существуют ли артиклевые словосочетания в персидском языке? // Восточное языкознание. К 80-летию Ю.А. Рубинчика. М., 2003.
- Иванов и др. 2009 – В.Б. Иванов, Е.В. Семёнова, Х.О. Хушкadamova. Учебник таджикского языка для стран СНГ. М., 2009.
- Керимова 1982а – А.А. Керимова. Лурские и бахтиярские диалекты // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.
- Керимова 1982б – А.А. Керимова. Диалекты Фарса // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.
- Керимова 1997а – А.А. Керимова. Таджикский язык // Языки мира. Иранские языки. Т. I. Юго-западные иранские языки. М., 1997.
- Керимова 1997б – А.А. Керимова. Лурская и бахтиярская группа диалектов // Языки мира. Иранские языки. Т. I. Юго-западные иранские языки. М., 1997.
- Киселёва 1985 – Л.Н. Киселёва. Язык дари Афганистана. М., 1985.
- Маздапур 1995 – К. Маздапур. Словарь диалекта зороастрийцев города Йезда. Тегеран, 1995 (1374) – 1374. مزدآپور ك. واژنامه گویش بهدینان شهر یزد، تهران،

- Миколайчик 1980 – *В.И. Миколайчик*. Основы теоретической грамматики персидского языка. М., 1980.
- Молчанова 1997а – *Е.К. Молчанова*. Ларская группа диалектов // Языки мира. Иранские языки. Т. I. Юго-западные иранские языки. М., 1997.
- Молчанова 1997б – *Е.К. Молчанова*. Сивенди // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа. II. М., 1997.
- Молчанова 1999а – *Е.К. Молчанова*. Сивенди язык//диалект // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Молчанова 1999б – *Е.К. Молчанова*. Абдуи диалект // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Молчанова 1999в – *Е.К. Молчанова*. Большой Соляной путыни диалекты // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Молчанова 2008 – *Е.К. Молчанова*. Йезди (зороастрийский дари) // Основы иранского языкознания. Среднеиранские и новоиранские языки. М., 2008.
- Мошкало 1997а – *В.В. Мошкало*. Персидский язык // Языки мира. Иранские языки. Т. I. Юго-западные иранские языки. М., 1997.
- Мошкало 1997б – *В.В. Мошкало*. Дари язык // Языки мира. Иранские языки. Т. I. Юго-западные иранские языки. М., 1997.
- Островский 2004 – *Б.Я. Островский*. Учебник языка дари. Т. I. М., 2004.
- Пейсигов 1959 – *Л.С. Пейсигов*. Вопросы синтаксиса персидского языка. М., 1959.
- Пирейко 1997а – *Л.А. Пирейко*. Гурани // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа. II. М., 1997.
- Пирейко 1997б – *Л.А. Пирейко*. Заза // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа. II. М., 1997.
- Пирейко 1999а – *Л.А. Пирейко*. Гурани язык // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Пирейко 1999б – *Л.А. Пирейко*. Заза язык // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Плунгян 2000 – *В.А. Плунгян*. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Плунгян 2011 – *В.А. Плунгян*. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Поляков 1988 – *К.И. Поляков*. Персидская фонетика. Опыт системного исследования. М., 1988.
- Расторгуева 1999а – *В.С. Расторгуева*. Гилянский язык // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Расторгуева 1999б – *В.С. Расторгуева*. Шамерзади // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Расторгуева 1999в – *В.С. Расторгуева*. Велатру // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Расторгуева 1999г – *В.С. Расторгуева*. Семнана полосы диалекты // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Расторгуева, Молчанова 1981 – *В.С. Расторгуева, Е.К. Молчанова*. Среднеперсидский язык // Основы иранского языкознания. Среднеазиатские языки. М., 1981.
- Расторгуева, Молчанова 1999 – *В.С. Расторгуева, Е.К. Молчанова*. Центрального Ирана диалекты // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Расторгуева, Мошкало 1997 – *В.С. Расторгуева, В.В. Мошкало*. Диалекты Центрального Ирана // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа. II. М., 1997.
- Реформатский 2001 – *А.А. Реформатский*. Введение в языковедение. М., 2001.
- Рубинчик 1970 – *Ю.А. Рубинчик*. Грамматический очерк персидского языка // Персидско-русский словарь. М., 1970.
- Рубинчик 2001 – *Ю.А. Рубинчик*. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
- Тестелец 2001 – *Я.Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Цаболов 1997 – *Р.Л. Цаболов*. Курдский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа. II. М., 1997.
- Чунакова 1987 – *О.М. Чунакова*. Книга деяний Ардешира сына Папака. М., 1987.
- Lazard 1957 – *G. Lazard*. Grammaire du persan contemporain. Paris, 1957.

Сведения об авторе:

Владимир Борисович Иванов

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт языкознания РАН
iranogus@mail.ru

Статья поступила в редакцию 24.08.2013.